

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

ТАК ДЕРЖАТЬ, ДЖИВС!

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

На выручку юному Гасси

Тетя Агата преподнесла мне свой сюрприз еще до завтрака. И в этом она вся. Я бы, конечно, мог и дальше распространяться о том, какие люди бывают грубые и бесчувственные. Но довольно будет сказать, что она подняла меня совершенно ни свет ни заря. Не было еще и половины двенадцатого, когда недремлющий Дживс оборвал мой безмятежный сон сообщением:

— Вас желает видеть миссис Грегсон, сэръ.

Я подумал: лунатик она, что ли, блуждает по ночам? Но пришлось все-таки вылезти из-под одеяла и закутаться в халат. Я слишком хорошо знаю свою тетю — если она желает меня видеть, значит, она меня увидит. Такой человек.

Она сидела в кресле, прямая, будто доску проглотила, и смотрела перед собой в пространство. Когда я вошел, она смерила меня неодобрительным взглядом, от которого у меня всегда позвоночник размягчается, как студень. Тетя Агата — железная женщина, что-то вроде старой королевы Елизаветы, я так себе представляю. Она помыкает своим мужем Спенсером Грегсоном, несчастным старикашкой, который играет на бирже. Помыкает моим двоюродным братом Гасси Мэннеринг-Фиппсом. И его матерью, своей невест-

© Перевод. И. Бернштейн.

кой. И, что хуже всего, мною. У нее акулий глаз и твердые моральные устои.

Есть, наверно, на свете люди, что называется, твердокаменные, с нервами-канатами, эти, возможно, способны ей противостоять; но если вы обыкновенный смертный вроде меня и любите жить тихо и спокойно, вам при ее приближении ничего другого не остается, как свернуться в клубок и молить небо о спасении. Чего захочет от вас тетя Агата, то вы и сделаете, знаю по собственному опыту. А если не сделаете, то будете потом недоумевать, с чего это народ в старину так волновался, когда попадал в немилость к испанской инквизиции?

— Привет, привет, тетя Агата! — поздоровался я.

— Берти, — произнесла она, — у тебя кошмарный вид. Просто забулдыга какой-то.

Я ощущал себя расклеившимся почтовым пакетом. Я вообще с утра пораньше бываю не в наилучшей форме. Что я ей и объяснил.

— Это называется, с утра пораньше? Я уже три часа как позавтракала и все это время прохаживалась по парку, собираясь с мыслями.

Лично я, если бы мне пришлось позавтракать в полдевятого утра, прохаживался бы после этого не по парку, а по набережной, выбирая место, где сподручнее утопиться и положить конец своим страданиям.

— Я чрезвычайно обеспокоена, Берти. Оттого и решила обратиться к тебе.

Вижу, она к чему-то клонит, и тогда я слабым голосом проблеял Дживсу, чтобы принес чаю. Но она его опередила.

— Каковы твои ближайшие планы, Берти? — начала она.

— Н-ну, я думал немного погоды выползти куда-нибудь пообедать, потом, может быть, заглянуть

в клуб, а потом, если хватит пороху, рвануть в Уолтон-Хит и сыграть партию в гольф.

— Меня не интересуют твои ползки и рывки. Я спрашиваю, есть ли у тебя на предстоящей неделе какие-нибудь серьезные дела?

Я почуял опасность.

— А как же, — отвечаю. — Уйма дел. Пропасть! Ни одной свободной минуты!

— Какие же это дела?

— Н-ну... Э-э-э... Точно не знаю.

— Ясно. Я так и думала. Нет у тебя никаких дел. Прекрасно. В таком случае немедленно поезжай в Америку.

— В Америку?

Не забывайте, что все это происходило на голодный желудок и в такую рань, когда только-только успел проснуться жаворонок в поле.

— Да, в Америку. Думаю, даже ты слышал, что существует на свете такая земля?

— Но почему в Америку?

— Потому что там сейчас твой двоюродный брат Гасси. Он где-то в Нью-Йорке, и я не могу с ним связаться.

— Что он там делает?

— Дурака валяет, вот что.

Для того, кто знает Гасси так же хорошо, как я, это могло означать все что угодно.

— В каком смысле?

— Влюбился бог весть в кого и потерял голову.

Это, учитывая его прошлые заслуги, звучало правдоподобно. С тех пор как Гасси достиг совершеннолетия, он только и делал, что влюблялся бог весть в кого и терял голову. Такой у него характер. Но поскольку взаимностью ему не отвечали, до сих пор потеря головы обходилась без скандалов.

— Я думаю, Берти, тебе известно, отчего Гасси уехал в Америку. Ты знаешь, какие расточительные привычки были у твоего дяди Катберта.

Имелся в виду покойный папаша моего кузена, бывший глава нашего рода, и надо признать, что тут тетка была права. Никто не относился к дяде Катберту лучше, чем я, но всем известно, что в делах финансовых он просто не имел себе равных во всей английской истории. У него была мания просаживания денег. Если он ставил на лошадь, она обязательно захромает в середине скачки. Если играл в рулетку, то исключительно по своей особой системе — и в Монте-Карло при его появлении от радости вывешивали флаги и били в колокола. Вообще милейший дядя Катберт был такой страстный расточитель, что даже мог в сердцах обозвать управляющего вампиром и кровопийцей за то, что тот не дал ему вырубить в имении лес, чтобы разжиться еще тыщонкой фунтов.

— Он оставил твоей тете Джулии крайне мало денег, далеко не достаточно для дамы, занимающей ее положение. На достойное содержание Бичвуда требуются большие суммы. Дорогой Спенсер хоть и помогает чем может, но его средства не безграничны. Так что ясно, почему Гасси пришлось отправиться в Америку. Он не отличается умом, зато очень хорош собой, он не носит титула, но Мэннеринг-Фиппсы — одна из самых старинных и знатных фамилий в Англии. С собой он повез прекрасные рекомендательные письма, и когда от него пришло сообщение, что он познакомился с самой обворожительной красавицей на свете, я от души порадовалась. И в следующих письмах он продолжал восхвалять ее до небес. Но сегодня утром получено письмо, где он выражает уверенность, как бы между прочим, что у нас нет классовых предрассудков и мы не по-

смотрим на девушку косо из-за того, что она — артистка варьете.

— Вот это да!

— Просто гром среди ясного неба. Зовут ее Рэй Дэнисон, и он пишет, что она выступает «с сольником по высшему разряду». Что это за непристойный «сольник», я не имею ни малейшего представления. А далее он еще с гордостью добавляет, что «у Мозенштейна на прошлой неделе она подняла на ноги весь зал». Кто такая эта Рэй Денисон, неизвестно, кто таков мистер Мозенштейн и кого и как она у него поднимала на ноги, не могу тебе сказать.

— Ух ты, получается, это самое, как говорится, злой рок семьи, а?

— Не понимаю тебя.

— Ну, тетя-то Джулия, вы же знаете. Голос крови. Что досталось по наследству, не отмоешь добела, и так далее.

— Не болтай глупостей, Берти.

Однако, как бы то ни было, а совпадение тут явное. Об этом у нас в семье не говорят и вот уже двадцать пять лет как стараются забыть, но факт тот, что тетя Джулия, мать Гасси, была когда-то артисткой варьете, притом отличной, как мне рассказывали. Когда дядя Катберт ее впервые увидел, она играла в пантомиме на «Друри-лейн». Это было, еще когда меня не было. Но задолго до того, как я подрос и стал понимать, что происходит, наша семья приняла меры: тетя Агата, закатав рукава, занялась педагогической работой. В результате даже через микроскоп невозможно было отличить тетю Джулию от стопроцентных, прирожденных аристократок. Женщины осваиваются с новой ролью удивительно быстро.

Один мой приятель женат на Дэйзи Тримбл, бывшей актрисе Лондонского мюзик-холла, и меня теперь

всякий раз так и подмывает, уходя, пятиться от нее задом. Однако же неоспоримый факт: у Гасси в жилах течет эстрадная кровь, и, возможно, она сейчас в нем заговорила.

— А что, — оживился я, проблемы наследственности меня всегда интересовали. — Может быть, это станет семейным обычаем, как в книжках описывают: «Проклятие Мэннеринг-Фиппсов». Теперь каждый глава рода должен будет породниться браком с эстрадным миром. Отныне и навсегда, из поколения в поколение. Как вы думаете?

— Ради Бога, Берти, не болтай чепухи. По крайней мере один глава нашего рода с эстрадным миром не породнится, а именно Гасси. Ты поедешь в Америку и остановишь его.

— Но почему же я?

— Почему ты? Не выводи меня из терпения, Берти! Неужели ты совершенно лишен семейных чувств? Если тебе лень самому заслужить почет, по крайней мере можешь приложить усилия и не позволить Гасси покрыть позором нашу семью. Ты поедешь в Америку, потому что ты его двоюродный брат, потому что вы всегда были близки, потому что ты единственный из нашей родни, у кого нет совершенно никаких занятий, кроме гольфа и ночных клубов.

— Я еще играю в аукцион.

— Да еще дурацких карточных игр по притонам. Если же этих причин тебе не довольно, то ты поедешь потому, что об этом прошу тебя я как о личном одолжении.

Понимай так, что только попробуй я отказаться, и она тогда употребит все свои прирожденные таланты на то, чтобы моя жизнь стала адом. И смотрит на меня неотрывно мерцающим взором. Ну, в точности как описано в «Старом Моряке».

— Итак, Берти, ты отправляешься незамедлительно?

Я ответил без запинки:

— А как же! Конечно.

Тут вошел Дживс с чаем.

— Дживс, — сказал я, — в субботу мы уезжаем в Америку.

— Очень хорошо, сэр, — ответил он. — Какой костюм вы наденете?

Нью-Йорк — большой город, удобно расположенный на краю Америки, так что сошел с корабля, и ты уже на месте, дальше никуда ехать не надо. Заблудиться невозможно. Выбираешься на воздух из большого сарая, спускаешься по ступеням и оказываешься в Нью-Йорке. Единственное, против чего мог бы возразить здравомыслящий пассажир, это — что выпускают на твердую землю возмутительно рано, просто чуть свет. Я поручил Дживсу пронести багаж мимо пиратов, которые подозревали, что под новыми рубашками у меня в чемоданах не иначе как зарыт клад, а сам сел в такси и приехал в гостиницу, где проживал Гасси. Там я затребовал у целого взвода солидных портье за конторкой, чтобы мне его вызвали.

И тут я испытал первый удар. Гасси там не оказалось. Я умолял их еще раз хорошенько подумать, и они еще раз хорошенько подумали, но безрезультатно. Никакой Огастус Мэннеринг-Фиппс у них не значился.

Признаюсь, мне стало не по себе. Я очутился один-одинешенек в чужом городе без малейших признаков Гасси. Что же делать? Я вообще по утрам не особенно ясно соображаю; черепушка у меня подключается к работе только во второй половине дня, и я никак не мог взять в толк, что теперь делать. Однако инстинкт повлек меня к двери в глубине вести-

бюля, я вошел и очутился в просторном помещении, во всю заднюю стену там тянулась огромная картина, а под картиной — стойка, и за ней несколько парней в белом раздают выпивку. У них в Нью-Йорке выпивкой распоряжаются мужчины, а не женщины. Надо же такое придумать!

Я безоговорочно поручил себя заботам одного бармена в белом одеянии. Он оказался свойским малым, я описал ему положение вещей и спросил, что он мне в связи с этим порекомендует. Он сказал, что на такой случай всегда советует принять порцию напитка «молниеносный», состав его собственного изобретения. Им пользуются, по его словам, зайцы, готовясь к поединку с медведями гризли, и известен только один случай, когда медведь выстоял до конца третьего раунда. Ну, я пропустил на пробу пару стаканчиков, и можете себе представить: парень сказал истинную правду. Допивая вторую порцию, я вдруг ощутил, что с души у меня свалилась огромная тяжесть, и, бодрый, пошел осматривать город.

К моему удивлению, на улицах оказалось полно народу. Люди торопливо шагали по тротуарам, как будто на дворе ясный день, а не сумерки рассвета. Пассажиры в трамваях стояли буквально друг у друга на головах. Спешили на работу и по делам, так надо понимать. Удивительные люди!

Но что самое странное, когда немного опомнишься, это мощное извержение энергии уже не кажется таким дивом. Впоследствии я разговаривал с людьми, которые тоже побывали в Нью-Йорке, и на них всех этот город произвел такое же впечатление. Должно быть, что-то есть особенное, будоражащее в здешнем воздухе, озон, наверно, или какие-нибудь там фосфаты. Чувство свободы, если можно так выразиться. Оно проникает в кровь, бодрит, внушает, что и вправду —

Господь на небесах,
И в мире полный порядок,

и пусть ты даже надел с утра разные носки, это совершенно не важно.

Чтобы вы яснее это себе представили, скажу, что, переходя через перекресток, который у них там называется Таймс-сквер, я все время радостно ощущал, что от тети Агаты меня отделяют три тысячи миль океанских глубин.

Забавная вещь: когда ищешь иголку в стоге сена, найти ее не удастся, как ни старайся. Но если тебе совершенно безразлично, пусть бы ты эту иголку никогда больше и не увидел, тогда стоит прислониться к стогу, и она тут же впивается тебе в бок. Походив туда-сюда, полюбовавшись достопримечательностями, пока целебный напиток доброго бармена проникал во все поры моего организма, я уже чувствовал, что мне все равно, хоть бы я с Гасси никогда в жизни больше не увиделся, и вдруг смотрю, он собственной персоной заходит в какой-то подъезд дальше по улице.

Я его окликнул, но он не услышал, тогда я бросился вдогонку и поймал его, когда он входил в офис на втором этаже. На двери офиса значилось: «Эйб Райсбиттер, эстрадный агент», а из-за двери доносился многоголосый шум.

Гасси обернулся и увидел меня.

— Берти! А ты-то что тут делаешь? Откуда ты взялся? Когда приехал?

— Высадился сегодня утром. Я заехал в твой отель, но тебя там не оказалось. Там вообще даже не слышали о тебе.

— Я сменил имя и фамилию. Теперь меня зовут Джордж Уилсон.

— Это еще почему?

— А ты попробуй поживи здесь под именем Огастус Мэннеринг-Фиппс, увидишь. Почувствуешь себя последним ослом. Я не знаю, в чем тут дело, но в Америке почему-то нельзя зваться Огастусом Мэннеринг-Фиппсом. Но есть еще и другая причина. Потом расскажу. Берти, я влюбился в самую замечательную девушку на свете.

Бедняга глядел на меня по-кошачьи, приоткрыв рот и ожидая поздравлений, у меня просто не хватило духу сказать ему, что мне все уже известно и что я прибыл сюда со специальной целью вставить ему палки в колеса.

Словом, я его поздравил.

— Спасибо, старик, — сказал он. — Немного преждевременно, но я надеюсь, конец будет хороший. Пошли зайдем, и я тебе все расскажу.

— Зачем тебе сюда? Какая-то сомнительная контора.

— Тут все взаимосвязано. Сейчас объясню.

Мы открыли дверь с надписью: «Комната ожидания». Там было набито столько народу, я в жизни не видел такой тесноты. Стены выпучивались.

Гасси указал на собравшихся:

— Артисты мюзик-холла. Рвутся на прием к старому Эйбу Райсбиттеру. Сегодня первое сентября, первый день эстрадного календаря. Ранняя осень — это весна мюзик-холла, — воспользовался Гасси красочным оборотом, он вообще у нас в своем роде поэт. — На исходе августа по всей стране вдруг пышным цветом расцветают певицы варьете, быстрее начинает бежать кровь в жилах у бродячих велоакробатов, и прошлогодние «гуттаперчивые мальчишки», очнувшись от летней спячки, принимаются для разминки завязываться узлом. То есть я хочу сказать, начинается новый сезон, и все бросаются за ангажементами.

— Да, но ты-то здесь при чем?

— Я? Мне нужно кое о чем переговорить с Эйбом. Если увидишь, что вон из той двери выходит толстяк с пятьюдесятью семью подбородками, сразу хватай его, потому что это и будет Эйб. Он из числа тех деляг, которые каждый свой шаг наверх отмечают новым подбородком. Говорят, в девятисотых годах у него их было только два. Если уцепишь Эйба, помни, что для него я Джордж Уилсон.

— Ты сулился объяснить мне, что это за история с Джорджем Уилсоном, старина, — напомнил я Гасси.

— Видишь ли, вот какое дело...

Но тут миляга Гасси вдруг смолк, подскочил и с неопишуемой живостью бросился навстречу чрезвычайно толстому субъекту, внезапно появившемуся в дверях. Остальные, кто там был, тоже устремились к нему со всех ног, но Гасси получил преимущество на старте, и певцы, танцоры, жонглеры, акробаты и исполнители скетчей, по-видимому, признав, что победа — за ним, отхлынули обратно и расположились снова на прежних местах, а мы с Гасси прошли вслед за толстяком в кабинет. Мистер Райсбиттер закурил сигару и посмотрел на нас из-за крепостного вала своих подбородков.

— Слушай сюда, что я тебе скажу, — обратился он к Гасси.

Гасси изобразил на лице почтительное внимание. Мистер Райсбиттер задумался и нанес через стол по плевательнице сокрушительный удар прямой наводкой.

— Слушай сюда, — повторил он. — Я смотрел тебя на репетиции, как обещал мисс Денисон. Для любителя ты не так уж и плох. Тебе надо еще многому научиться, но данные у тебя есть. Короче, предлагаю тебе ангажемент на четыре выступления в день, если ты согласен на тридцать пять монет. Это все, что

я могу для тебя сделать, да и того бы не сделал, если бы она не хлопотала за тебя. Решай сам, как хочешь. Ну, что?

— Я согласен, — сдавленным голосом проговорил Гасси. — Спасибо.

В коридоре, когда мы вышли, Гасси радостно загоготал и шлепнул меня по спине.

— Ура, Берти, старина, все в ажуре. Я самый счастливый человек в Нью-Йорке.

— И что теперь?

— Понимаешь ли, как я начал тебе объяснять, когда вошел Эйб, папаша моей Рэй сам тоже был артистом варьете. Давно, конечно, еще до нас, но я помню, о нем говорили. Джо Дэнби. Он пользовался известностью в Лондоне перед тем, как уехать в Америку. Славный старик, но упрям как мул. Он не соглашался, чтобы Рэй вышла за меня, поскольку я не артист. Слышать не желал. Ну так вот, если помнишь, я в Оксфорде недурно пел. Рэй изловила старого Райсбиттера и вытянула у него обещание, что он послушает меня на репетиции и если ему понравится, раздобудет мне ангажемент. Он ее очень уважает. Она натаскивала меня целый месяц, добрая душа. И вот теперь, как ты слышал, он дал мне ангажемент на четыре выступления в день за тридцать пять долларов в неделю.

Я схватился за стену, чтобы не упасть. Действие бодрящего напитка, полученного от доброго друга в гостиничном баре, уже частично выветрилось, и я определенно ощутил некоторую слабость. Смутно, словно в тумане, я представил себе, как тете Агате сообщают о намерении главы семейства Мэннеринг-Фиппс выступать на эстраде. Тетя Агата дорожит фамильной честью Мэннеринг-Фиппсов почти как одержимая. Мэннеринг-Фиппсы были старинным и знатным семейством, еще когда Вильгельм Завоеватель

бегал босиком и пулял из рогатки. Столетие за столетием они обращались к монархам по имени и одолжали герцогов, когда подходил срок вносить еженедельную квартплату; и теперь любой неразумный поступок любого из Мэннеринг-Фиппсов мог бы, по мнению тети Агаты, бросить тень на их блистательный фамильный герб. Что теперь скажет тетя Агата, получив ужасное известие, — помимо того, понятно, что виноват во всем я, — вообразить было мне не под силу.

— Поехали обратно в гостиницу, Гасси, — предложил я. — Там есть один отличный малый, который умеет смешивать напиток под названием «Коктейль молниеносный». Что-то подсказывает мне, что я сейчас в нем нуждаюсь. Только сначала, прости, я отлучусь на минуту, мне надо послать телеграмму.

Было совершенно ясно, что тетя Агата ошиблась в выборе и отправила вызволять Гасси из когтей американского мюзик-холла совсем не того человека. И теперь мне нужна подмога. Я было подумал вызвать сюда тетю Агату, но здравый рассудок сказал мне, что это уж будет чересчур. В помощи я, конечно, нуждался, но все-таки не до такой же степени. И тут мне пришлось в голову удачное решение: я послал срочную телеграмму матери Гасси.

— О чем это ты телеграфировал? — поинтересовался Гасси.

— Да так. Мол, прибыл благополучно и тому подобное, — ответил я ему.

Первое выступление Гасси на эстраде состоялось в следующий понедельник в одном из обшарпанных залов на окраине, где крутили кино, а между сеансами давали разные концертные номера. На то, чтобы его как следует вышколить, ушло много труда. В сочувствии и поддержке с моей стороны Гасси нисколь-